Наташа.

Разсказъ гр. А. Н. Толстого.

1.

Каждое утро Наташу будилъ Бляръ — бѣлый пудель. Онъ царапался въ дверь, пока дѣвушка не соскакивала съ постели и, впустивъ его въ комнату, схватывала за мягкія уши. Бляръ катался по ковру, мѣшалъ надѣвать чулки и лаялъ, требуя, чтобы немедленно его вели гулять. Но Наташѣ нужно было сначала омыться прохладной водой, затѣмъ сойти внизъ къ матери, выпить чашку армянаго кофе, и только тогда она накидывала шелковое платье, поурочно долго, поглядывая на Бляра, сидѣвшаго въ прихожей у двери, выстукивъ языкъ (бесѣ надоѣсти, отъ одного только нетерпѣнія), надѣвала шляпу, черную, съ розами, затѣмъ брала въ руки тонкую и высокую тросточку и выходила черезъ ворота въ паркъ.

На широкой аллѣ паркъ Бляръ успокаивался и, поднявъ голову, шелъ въ десяти шагахъ впереди. Но подобной сдержанности хватало у него до первой собаки: при видѣ ея Бляръ терялъ голову и уносился; а Наша, ставъ на дорожкѣ, ударяя тросточкой влажному песку и кричала: „Бляръ, апортъ!"

Но все же онъ былъ преданъ ей до смерти и навсегда.

2.

Сегодня утро было ясное. За высокими соснами лежали въ небѣ бѣлыя облака: они поднимались и не уходили. Аллея пряла къ длинному, чистому озеру, гдѣ кончались сосны, и надъ водой стояли пышные клены и тополя, очень высокія березы, прозрачной листвой.

Наташа медленно шла вдоль озера къ новому мостику, перекинутому на ту сторону пологой дугой. Она была печальна сегодня. Бляръ убѣжалъ и носился, лая, по стамъ; а потомъ выгнавъ изъ парка бѣлую козу. Оглядываясь на Бляра, коза пошла къ Наташѣ, приняла степенный видъ потерлась о дѣвушку рогомъ.

Наташа поглядила ее; но все же Бляръ же козой не разогналъ ея грусти. А грусть ей было потому, что вчера, вечеромъ, ссанно, безо всякаго повода, Дмитрій Николаевичъ попросилъ ее выйти за него замужъ. И сейчасъ Наташа (рѣшивъ это домъ только) шла отказать ему въ просьбѣ.

3.

Дмитрій Николаевичъ стоялъ, опираясь о балюстраду моста и глядѣлъ на воду. На немъ была надѣта темно-зеленая гусарская куртка, со шнурами и мѣхомъ, на головѣ малиновая фуражка; склоненное лицо его казалось улыбающимся отъ отблеска свѣта съ воды; на самомъ дѣлѣ оно было строгое и, часто, нахмуренное, съ темными усами и темными бровями: мѣхъ на воротникѣ куртки плотно обхватывалъ чистую, красивую шею.

Дмитрій Николаевичъ поднялъ голову, увидѣлъ Бляра, и тогда глаза его засіяли, оглядывая дѣвушку. Наташа подходила, крѣпко держась за ротъ степной коня. Ей стало трудно: у Дмитрія Николаевича въ глазахъ появился ужасъ на мгновеніе; затѣмъ свѣтъ ихъ погасъ и стали они холодными, должно быть, онъ чувствовалъ—какой къ нему подходитъ дѣвушка.

Наташа боялась такихъ глазъ; слабо поднимая ему руку, она сказала:

— Сегодня Бляръ совсѣмъ несносный, пригналъ козу.

— Бляръ хорошій песъ, — отвѣтилъ Дмитрій Николаевичъ, — и оба стали смотрѣть на пуделя, а онъ, задравъ голову, высунувъ языкъ, тоже глядѣлъ на нихъ черными, веселыми глазами. Коза потихоньку ушла.

По озеру плыли утки; селезень поднялся на водѣ и замахалъ крыльями.

Тогда Дмитрій Николаевичъ проговорилъ тихо и странно:

— Прощайте, Наталья Михайловна!

Сердце у Наташи заколотилось, похолодѣли пальцы; она сейчасъ же рѣшила объяснить, что не можетъ-же она согласиться, когда еще не понимаетъ — любитъ-ли, дорогу-ли онъ ей, и какъ ей отвѣтить иначе, когда они такъ мало знакомы? Только за эту недѣлю онъ сталъ встрѣчаться повсюду, говорить о томъ, что одинокъ и хочетъ тишины, и вдругъ, точно громомъ, поразилъ вчера на этомъ мосту, на закатѣ, произнесъ просто, даже строго, такую вещь: „Наталья Михайловна, я прошу васъ быть моей женой!" Точно въ свѣтлой Наташиной комнатѣ случилось землетрясеніе.

Но вмѣсто всего этого, Наташа сказала сейчасъ, сама не зная зачѣмъ:

— Ну еще бы, онъ вѣрный, онъ умретъ за меня если нужно... Такой преданный, — и она, легко наклонясь, поглядила Бляра.

— Послѣ этого, конечно, мѣ нечего сказать, — молвилъ Дмитрій Николаевичъ, коротко засмѣявшись,—только остается сказать, что Бляръ и я...мы оба...

Онъ быстро пожалъ пасчами подъ курткой, но Наташа уже подняла на него синіе глаза, влажные отъ смущенія и страха.

— Нѣтъ, вы не уходите, вы не огорчайтесь, подождите, — проговорила она слабымъ голосомъ, — зачѣмъ вы торопитесь?

И румянецъ залилъ все лицо ей и шея, полуприкрытые свѣтлыми волосами. Дмитрій Николаевичъ опустилъ голову. Она это ужасно сейчасъ же оцѣнила, подумавъ: „какой внимательный". Затѣмъ, когда молчаніе прошептала: „послушайте", и Дмитрій Николаевичъ быстро придвинулся къ ней — Бляръ зарычалъ; и оба они засмѣялись, стало ясно и легко, и Наташа сказала: „Я васъ увижу завтра, правда?", и ушла, понимая, что Дмитрій Николаевичъ смотритъ ей вслѣдъ и долго еще будетъ стоять на мосту.

4.

Дмитрій Николаевичъ вскочилъ въ отходящій поѣздъ, въ лѣтній вагонъ, сѣлъ въ уголъ бархатной скамьи (онъ былъ одинъ въ купѣ) и вслухъ повторилъ нѣсколько разъ: „Какая очаровательная дѣвочка, какая очаровательная".

Затѣмъ закрылъ глаза (передъ нимъ появилось все, что было на мосту) и усмѣхнулся: „Какъ-же это такъ вышло: теперь у нея двое—Бляръ и я... Какая чепуха"... И опять засмѣялся еще радостнѣе. Дмитрій Николаевичъ былъ въ чинѣ ротмистра, носилъ одну изъ старинѣйшихъ русскихъ фамилій, жилъ въ Царскомъ, въ свое время продѣлалъ все, что полагается выпущенному на свободу корнету, но пристрастія къ дѣвушьки веселой жизни не получилъ (за послѣдніе годы большинство офицеровъ полка жили скучновато и скромно), и на прошлое Рождество, въ первый день праздника, когда сидѣлъ вечеромъ одинъ у себя на холостой, теплой и уютной квартирѣ, внезапно, безъ причины, ясно и до конца понялъ, что придетъ къ нему смерть, и передъ нею все—жизнь, радости, увлеченія не имѣютъ никакой цѣны.

Дмитрій Николаевичъ въ тотъ вечеръ кричалъ (не громко, зажавъ ротъ, чтобы не слышалъ денщикъ) отъ смертельной тоски. Затѣмъ острота прошла, но чувство гибели и безполезности осталось. Даже командиръ полка поговорилъ однажды съ нимъ по душѣ, спросивъ — не проигрался-ли онъ? Нѣтъ-ли устранимой легко причины?

Все — люди и вещи подернулись для него словно пепельнымъ туманомъ. Дмитрій Николаевичъ дѣлалъ, что всегда, не измѣнилъ ни одной привычки, даже старательнѣе и точнѣе относился къ людямъ и обязанностямъ, но легче ему казалось забыться смертью, чѣмъ каждый день, между пробужденіемъ и сномъ, совершать привычное, безполезное и утомительное то, чему теперь нѣтъ названія, потому что названіемъ дѣлами и усиліями не вѣлъ смысла во, все равно обреченныя гибели, вещи.

Недавно онъ встрѣтилъ Наташу, онъ зналъ ее еще дѣвочкой, она выросла и ему понравилась. Въ ней было неуловимое очарованіе; отъ котораго онъ забывался. Онъ обдумалъ подробно предстоящее и сдѣлалъ предложеніе. Но нежиданно ужасно взволновался, придя въ назначенный часъ за отвѣтомъ. А сейчасъ, послѣ всего, ему было радостно: онъ словно долженъ сначала доказать Наташѣ, что преданность его больше и лучше, чѣмъ у Бляра; долженъ сначала относѣть дѣвушку отъ этого парка, отъ озера, отъ собаки. Но какой силой? Опустошенекъ? Дмитрій Николаевичъ пріѣхалъ домой, очень озабоченный, но въ прежней его безнадежности началось большое безпокойство; онъ понялъ, что есть иное бытіе, еще не понятное ему, но уже коснувшееся сердца тревожной надеждой.

5.

Наташа вернулась домой и нѣсколько разъ поцѣловала свою мать въ щеки. Глафира Ивановна отложила покойникъ въ „Новомъ Времени", удивленно посмотрѣла на дочь поверхъ очковъ, и разговоръ на этомъ окончился. Наташа за день начала множество ненужныхъ дѣлъ и ни одного не окончила. Затѣмъ, лежа въ постели, глядя какъ желтый свѣтъ керосиноваго фонаря отразилъ переплетъ окна на бѣлой шторѣ, принялась думать — хорошо-ли она поступила сегодня на мосту? Не предъ ихъ вмѣстѣ по этому поводу, вспомнила объ грязномъ лицо Дмитрія Николаевича въ подробности; затѣмъ ей стало радостно и спокойно; а по стѣнѣ между цвѣтками на обояхъ пробѣжала коза, или только это показалось? Когда же Наташа открыла глаза —на шторѣ лежалъ уже бѣлый свѣтъ солнца; въ дверь царапался Бляръ. Наташа увидѣла, что наоблена, и съ ней совершилось чудо.

6.

Войдя въ столовую Наташа съ удивленіемъ замѣтила, что Глафира Ивановна читаетъ не передную страницу „Новаго Времени", а середину газеты. Поцѣловавъ мать въ щеку, шеку и руки, Наташа ясно и радостно усмѣхнулась, но Глафира Ивановна сказала повышеннымъ голосомъ:

— Наташа, у насъ война!

Наташа сейчасъ-же сѣла на стулъ. Оказалось, что войны еще не было, но она могла начаться каждую минуту. Глафира Ивановна прочла всѣ относящіяся къ этому статьи и ушла звонить Кирику Петровичу въ Петербургъ по телефону; а Наташа до обѣда гуляла по берегу озера, поглядывая на мостикъ. Но Дмитрій Николаевичъ не пришелъ. Ложась спать, Наташа заплакала, отчего-ли, что ей жалко было тѣхъ, кто уйдетъ на войну, или по другой причинѣ,—она сама не знала.

7.

Нежиданно въ часъ дня въ гостиную вошелъ Дмитрій Николаевичъ (бывалъ онъ рѣдко, держалъ себя въ дому натянуто, и Глафира Ивановна его побаивалась). Онъ казался очень серьезнымъ, поцѣловалъ у Наташиной матери руку, на дѣвушку взглянулъ внимательно, но мелькомъ, сѣлъ церемонно и сказалъ:

— Сегодня въ полночь выяснится. Если что, то послѣ завтра нашъ полкъ выступаетъ.

Наташа ахнула. Тогда онъ быстро къ ней повернулся, взялъ за руку и, глядя въ упоръ на Глафиру Ивановну, проговорилъ:

— Я уже имѣлъ чести просить руки... Я еще разъ почтительно...

При этомъ онъ всталъ, губы его дрожали...

„Согласна, согласна"—сказали Наташины глаза.

— Для меня это жизнь или смерть, — отвѣтилъ онъ тихимъ, но Наташѣ показалось, отчаяннымъ голосомъ.

Глафира Ивановна глядѣла на обоихъ, слегка раскрывъ ротъ.

— Мамочка, я люблю его, — отвѣтила Наташа.

Тогда онъ взялся за шнурокъ на куртклѣ, и не въ силахъ сдержаться, закрылъ глаза.

— Я согласна, а ты какъ хочешь... Это что-то удивительное!—прошептала Глафира Ивановна и вышла изъ комнаты.

А Наташа легонько придвинулась къ Дмитрію Николаевичу и поглядила его по рукѣ. Онъ прошепталъ тогда, уже не сдерживаясь: „Наташа, милая"; —и, низко склонивъ голову, прижался губами къ ея ладонямъ.

8.

— Наташа, я хочу, чтобы вы поняли меня,—говорилъ Дмитрій Николаевичъ (они сидѣли въ сумеркахъ у тройного окна, выходящаго въ садикъ, на закатъ):—мнѣ тяжело и безнадежно; я одинокъ, и не потому, что некому повѣрить печали, но и люди, животныя, деревья и вещи одинаково подержаны тѣнію, я не различаю ихъ; точно сижу на морскомъ и темномъ берегу, среди каменьевъ. А вы, Наташа, кажетесь мнѣ выше жизни, выше меня, свѣтлѣе и выше всего. Вы кажетесь таинственной, вы точно чудо, вы спасете меня. Вы все—жизнь-порывая. Въ васъ еще горитъ искра Божья: видите, кажется, я начинаю вѣрить, что есть чудеса... Любите меня, спасите меня! Наташа, я буду служить вамъ, какъ Бляръ.

Онъ засмѣялся, засмѣялась и Наташа; она поняла изо всего, что онъ очень несчастный, и ей жаль его; но конечно никакой таинственности, ни высоты, особой за собой она не знала, кромѣ дѣвичьей глупости. Но такъ какъ ему, очевидно, хотѣлось приписать ей эти качества, то она загадочно подняла губы, и уже глядѣла не въ глаза ему (что очень хотѣлось), а на закатъ.

Темный, красный, съ лиловыми тучами закатъ разлился на полъ-неба. Вершины сосенъ вдалекѣ заслонили пылающій свѣтъ его черными конусами. Дмитрій Николаевичъ, не выпуская Наташиной руки, наклонился и цѣловалъ ея пальцы.

— Я знаю, мы чего не поняли, а скоро поймете,—сказала Наташа, сама не зная зачѣмъ.

9.

Въ три часа ночи Кирикъ Петровичъ позвонилъ изъ Петербурга, что война объявлена. Глафира Ивановна рѣшила не ложиться на эту ночь.

Разбуженная ею Наташа сидѣла на постели, прислушиваясь къ ночнымъ звукамъ. Ей было такъ же холодно и жутко, какъ въ дѣтствѣ, когда среди ночи разбудили ее, сказавъ, что у сосѣдей пожаръ. Она подумала—не пойхать-ли въ Царское? Дмитрій Николаевичъ представился ей стоящимъ въ темной комнатѣ у окна, разсматривающимъ сабли. Затѣмъ она грѣшила, что онъ гдѣ-нибудь скачетъ, мимо деревья